

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ГЕОКУЛЬТУРНЫХ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕРНОМОРСКИХ ТЕКСТОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

© 2024 Д. Н. Замятин^{1, 2, *}

¹Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, Россия

²Арктический государственный институт культуры и искусств, Якутск, Россия

*e-mail: dzamyatin@hse.ru

Поступила в редакцию 17.01.2024 г.

После доработки 13.03.2024 г.

Принята к публикации 14.03.2024 г.

Статья посвящена проблеме формирования геокультурных текстов в рамках литературной географии. Важная часть литературно-географических штудий — изучение географических образов, представленных в литературных произведениях. Понятие геокультурного текста позволяет типологизировать литературно-географические образы применительно к тем или иным геокультурам. Локальные геокультуры, обладающие развитой литературной традицией, имеют, как правило, ряд репрезентативных геокультурных текстов, характеризующих ландшафтные и образные особенности развития данной территории. Эволюция черноморского текста рассматривается с помощью концептов геокультуры и геокультурного текста. В качестве ключевых образов, определяющих развитие черноморского текста, исследуются образы юга, экзотики и античности. Особое внимание уделено становлению взаимосвязей между образами Крыма и античности. Морская “экзотика”, соединенная с “атмосферой” античности, окраинной древности европейской культуры, оказалась наиболее сильным эмоциональным стимулом формирования как южных, так и собственно черноморских образов в русской литературе. В геокультурном контексте “кристаллизация” черноморского текста русской литературы происходит к концу XIX — началу XX в. (И. Бунин, А. Куприн). Это происходит благодаря насыщенным ландшафтными описаниям, дающим возможность говорить о “черноморской ауре” этих текстов и о возникновении “черноморских онтологий”. В дальнейшем содержательное ядро черноморского геокультурного текста в XX в. определяют произведения М. Волошина, О. Мандельштама, И. Бабеля, А. Грина, К. Паустовского, В. Катаева. Посредством “кристаллизации” крымского и черноморского текстов и модерного пересоздания собственного образа “черноморской античности” в течение всего XX в. русская культура творила свою геокультурную “древность” в рамках европейского геокультурного пространства. Благодаря творчеству И. Бродского (“римский” и “имперский” локусы) крымский и черноморский тексты расширяют свое семантическое поле, оказываясь “узлом” метафорического уподобления, объединяющего средиземноморский геокультурный ареал и геокультурные зоны влияния русской литературы.

Ключевые слова: литературная география, географический образ, геокультура, геокультурный текст, черноморский текст, юг, экзотика, античность, Крым, Одесса

DOI: 10.31857/S2587556624020113, EDN: DSIHUD

ВВЕДЕНИЕ

Литературная география — одна из наиболее важных областей исторической, культурной и гуманитарной географии; в то же время она является междисциплинарным полем исследований, в котором представлены также работы филологов, лингвистов, культурологов, историков, антропологов, социологов, философов. Ее предмету, методологии и теории посвящено большое

количество исследований (Калуцков, 2016; Морозова, 2020; Hones, 2014; Noble and Dhussa, 1990; Рососк, 1988); еще более многочисленны работы по литературам и литераторам отдельных стран, регионов и местностей (Веденин, 1997; Вопросы ..., 2020; Замятин, 2001; Лавренова, 1998; Лаппо, 2007; Литературная ..., 2022; Люсый, 2016; Макаковский, 2006; Морозова, 2021; Cooper and Gregory, 2011; Lavrenova, 2019; Moretti, 1999). Существенной частью литературно-географи-

ческих штудий является также изучение различных миров географического воображения, представленных в литературных произведениях (это может касаться как выдуманных, фантастических территорий — например, “Чевенгур” Андрея Платонова, “Средиземье” Джона Толкина, “Земноморье” Урсулы Ле Гуин или “Макондо” Габриэля Гарсия Маркеса — так и образов хорошо известных реальных территорий, местностей и городов) (Замятин, 1999, 2013; Травкин, 2017; Lavrenova, 2020; Zamyatin, 2016).

Естественно, что исследования географических образов в литературных произведениях, помимо собственно феноменологической составляющей, связаны также с различного рода научными типологизациями подобных образов (Замятин, 2006; Никанорова, 2008; MacLeod et al., 2009). Одна из наиболее очевидных типологий — геокультурная, опирающаяся на ландшафтные (как природные, так и культурные и антропогенные) маркеры, присутствующие в том или ином литературном тексте — например, степные, морские, горные, промышленные, городские и т.д. (Замятин, 2023). Исходя из этого, исследуя конкретный литературный текст, можно отнести его целиком или частично (фрагментарно) к определенным ландшафтным или же геокультурным типам. Возможны тексты как с доминированием одного геокультурного типа, так и с сочетаниями нескольких, взаимодействующих между собой или же дистанцированных друг от друга типов — в пределах соответствующего нарратива, сюжета и дискурса.

Если предположить, что определенные геокультуры репрезентируются соответствующими культурными ландшафтами (Замятин, 2021), а также и соответствующими литературными текстами, то можно говорить не только о текстах определенного геокультурного типа, но и о геокультурных текстах как таковых. Иначе говоря, локальные геокультуры, обладающие развитой литературной традицией, имеют, как правило, ряд геокультурных текстов, характеризующих ландшафтные особенности развития данной территории. Конечно, литературные геокультурные образы всегда отличаются от тех локальных реальностей, которые могут видеть и анализировать заинтересованные наблюдатели и/или исследователи — однако они могут глубоко, ярко репрезентировать те или иные специфические особенности места, города, региона, страны, а во многом и способствовать конкретному направлению изучения территории.

Итак, геокультурный текст — это текст, содержание которого характеризуется уникальной географической/геокультурной спецификой, репрезентированной соответствующими географическими/геокультурными образами

и соответствующей геокультурной семантикой; см. также (Замятин, 2023). В качестве геокультурных текстов могут рассматриваться тексты, различные по генезису и жанру, однако в узком смысле, как правило, к ним могут быть отнесены, прежде всего, литературные или паралитературные тексты (поэтические, прозаические, эссеистические, публицистические, а также травелоги). В широком смысле, к текстам определенных локальных или региональных геокультурных традиций в некоторых случаях могут быть отнесены тексты других жанров — например, религиозные, философские, историософские, научные; посты в соцсетях, мессенджерах и т.д. Несомненно также, что выдающиеся образцы локальных геокультурных текстов (естественно, в первую очередь, литературных) могут иметь масштабное общекультурное значение для отдельных стран, макрорегионов или же мира в целом (например, романы Шолохова, Фолкнера или роман “Улисс” Джойса). Наконец, в качестве геокультурных текстов могут рассматриваться не только письменные тексты, но и визуальные (живопись, графика, кино, видео, граффити, керамика и т.д.) и музыкальные произведения — как фольклорного, так и авторского происхождения. В настоящей работе исследуются только литературные геокультурные тексты.

Важно отметить, что исследования геокультурных текстов могут сочетаться и взаимодействовать с исследованиями локальных текстов в литературоведении, имеющими уже богатую традицию, начиная с известных работ советских и российских филологов Ю.М. Лотмана и В.Н. Топорова (Геопанорама ..., 2004; Замятин, 2021). Если первоначально речь шла только о петербургском тексте русской литературы, то к настоящему времени в российском литературоведении представлено множество работ, посвященных не только локальным текстам отдельных городов и регионов России, но также гипертекстам крупных регионов — например, Урала (под гипертекстом определенного региона понимается система обобщенных, наиболее важных знаков и символов, присутствующих в ключевых литературных текстах, имеющих отношение к региону и репрезентирующих его литературно-географический образ). Наряду с этим, говорится также и о системе локальных текстов, характеризующих в целом литературную географию страны — в данном случае, России (Лыткина, 2010; Люсый, 2014). Понятие геокультурного текста, опирающееся на концепты геокультуры и культурного ландшафта, может как бы “заземлить” концепцию локальных текстов, помогая осознать типологические особенности локализации текстов; с другой стороны, понятие локального текста позволяет

более четко и быстро выделять тексты для соответствующей геокультурной идентификации и дальнейшего геокультурного анализа.

Далее мы попробуем показать это на примере первичного геокультурного анализа черноморских текстов русской литературы, начатого нами в одной из предыдущих работ (Замятин, 2023).

ЧЕРНОМОРСКИЙ ТЕКСТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЕГО ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ: СПЕЦИФИКА ПОДХОДА

Черноморский текст русской литературы — один из ее важнейших локальных текстов. Именно он оказался ключевым для понимания онтологических аспектов развития русской культуры в контексте морской тематики и ее содержательных репрезентаций.

В рамках нашей первой публикации о черноморском тексте русской литературы в контексте концепции геокультуры (Замятин, 2023) мы постарались показать взаимосвязи геокультур (Замятин, 2002) и локальных текстов, введя новое понятие — *геокультурный текст*. В этой же работе было обосновано и другое понятие — *геокультурная интенциональность*, дополняющее предыдущее. Благодаря новому теоретическому аппарату нам удалось описать первичную специфику генезиса и эволюции черноморских геокультурных текстов, а также показать место черноморского геокультурного текста (в типологическом смысле) в системе локальных текстов русской литературы.

В настоящей работе сделана попытка развить высказанные ранее основные положения с помощью детального геокультурного анализа и интерпретации базового массива ключевых “черноморских” текстов русской литературы. Конечно, количество и объем произведений русской литературы, имеющих отношение к черноморской тематике (а также и работ, посвященных им), огромны, и они постоянно увеличиваются — в силу этого в данном исследовании рассматриваются, так или иначе, лишь ключевые, на наш взгляд, произведения и их авторы, оказавшие наиболее существенное

влияние на трансформацию и эволюцию черноморских текстов. Естественно, мы понимаем, что наш подход может быть оценен как “субъективный” — тем не менее, применяемая нами геокультурная и ландшафтная “оптика” позволяет выявить существенно значимые, типологические черты и признаки черноморского текста русской литературы как такового, вне тесной зависимости или же привязки к тому или иному конкретному, хорошо известному тексту и произведению.

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ТЕКСТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В интенциональном плане черноморский геокультурный текст русской литературы обладает несколькими, взаимно переплетающимися существенными особенностями. Для русской культуры широкий выход к Чёрному морю — событие по историческим меркам относительно недавнее. Морские образы впервые столь глубоко ощущаются, переживаются, осмысляются в литературных репрезентациях, преимущественно с начала XIX в. Более ранний литературный аспект такого освоения — это геополитическая одическая риторика на античном фоне в рамках литературного классицизма¹. Поскольку русская литература в течение XVIII — первой половины XIX в. типологически оформилась как европейская, то в значительной степени ее черноморский текст формировался в этот длительный период как своего рода “вышивание по канве” в контексте господствующих эпох в европейской культуре и литературе — прежде всего, классицизма, сентиментализма и романтизма (Зорин, 2001). При этом, конечно, была и определенная специфика, связанная со становлением Российской империи как мощной европейской державы в XVIII столетии и, вследствие этого, с особым пафосом черноморских завоеваний и приобщения к античной культуре и средиземноморскому кругу европейских и христианских народов²; здесь же — очевидный романтический байронизм Пушкина периода южной ссылки, безусловно, отличается уже геокультурным

¹ Характерный пример подобного стиля — ода “На приобретение Крыма” (1784) поэта Василия Петрова (1736–1799), в которой практически полностью отсутствуют какие-либо приметы крымского и/или черноморского ландшафта, но в то же время постоянно муссируется геополитическая риторика с восхвалением Екатерины II и унижением Османской империи. См. также: (Живов, 2000).

² Здесь, безусловно, необходимо выделить первого русского поэта, воспевавшего Крым, — Семёна Боброва (поэма “Херсониды”, первоначальное название — “Таврида”, 1798, 1804); также сборник стихотворений писателя и поэта Андрея Муравьёва — “Таврида” (1827), произведения в котором значительно уступают по своим художественным достоинствам произведению Боброва. Существенно отметить, что поэма Боброва, очевидно, была важным контекстом для написания Пушкиным его поэмы “Бахчисарайский фонтан” (1821–1823) — безусловного “ориенталистского” романтического шедевра и русской литературы в целом, и ее крымского текста. Конечно, для русской литературы конца XVIII — первой половины XIX в. Крым был источником преимущественно традиционных, европейских по своему происхождению, образов Востока, преломленных сквозь историко-культурное и политическое наследие Крымского ханства. См. также: (Коровин, 2004).

своеобразием, особо педалирующим тему символического схода морской (черноморской) стихии и чувства свободы (стихотворение “К морю”, 1824).

Немаловажно также, что черноморский текст русской культуры развивался во многом как южный и “экзотический”. Несмотря на то, что Чёрное море попадает в круг российской истории уже с IX в., оно остается чаще всего лишь “эпизодом” или формальным местом действия для отдельных фрагментов исторического летописания и описаний различных паломничеств. Активное формирование русской черноморской геокультуры начинается лишь с конца XVIII — начала XIX в., причем освоение черноморского побережья и прилегающих к нему районов ведется за счет в основном миграций из более северных районов России и Украины, а также иммиграции из европейских стран, в основном отдаленных от средиземноморского ареала (История ..., 2017). В этой геокультурной ситуации черноморский текст русской литературы складывался поначалу часто как “экзотический”: приметы юга, эмоциональное удивление перед южным черноморским ландшафтом и его спецификой — природа, люди, их привычки и обычаи, особенности хозяйствования — все это оказывается прочувствованным и осмысленным исторически гораздо более северной российской геокультурой в целом³.

В известном смысле, Чёрное море, его побережье, исторические памятники и города оказались “школой юга” для относительно молодой,

но быстро “мужавшей” русской литературы. Хотя и тогдашняя Новороссия, и горный Кавказ тоже были источниками мощных, по-настоящему южных географических образов, именно морская “экзотика”, соединенная с “атмосферой” античности, окраинной древности европейской культуры, оказалась наиболее сильным эмоциональным стимулом формирования как южных, так и собственно черноморских образов в русской литературе. В течение всего XIX в. число литературных произведений, в которых фигурируют описания Чёрного моря и черноморских ландшафтов, постоянно увеличивается, однако “кристаллизация” черноморского текста русской литературы происходит только к концу XIX — началу XX в.

В ПОИСКАХ ЧЕРНОМОРСКОЙ ОНТОЛОГИИ: “КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ” ЧЕРНОМОРСКОГО ТЕКСТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. КРЫМ И АНТИЧНОСТЬ

Несмотря на то, что Чёрное море присутствует — скорее, как фон — в “Севастопольских рассказах” Льва Толстого и, в значительной мере, как своеобразный южный крымский ландшафт в произведениях Константина Леонтьева⁴, оно не получает в них тех художественных характеристик и описаний, которые позволили бы говорить о “черноморскости” этих текстов. По всей видимости, появление подобных “черноморских” текстов можно отнести уже к литературной эпохе модернизма, когда некоторые про-

³ Современный российский писатель Игорь Клех в своем геопоэтическом эссе “Школа юга” говорит в основном о важности для русского геокультурного пространства и русской литературы Киева и “киевской школы”, однако, на наш взгляд, о “школе юга” русской литературы и культуры можно говорить в более широком смысле, имея в виду значимость геокультурного/образно-географического освоения Украины, Кавказа, черноморского побережья в целом. На начальном этапе геокультурного освоения русской литературой черноморского побережья (конец XVIII — начало XIX в.) большинство художественных описаний балансировало в той или иной степени между чисто историко-топографическим, историко-этнографическим “штилем” и господствовавшей в это время сентименталистской традицией. Так или иначе, значительная часть подобных произведений представляла собой смесь очевидного ориентализма (граничащего и во многом совпадающего, естественно, с “экзотическим взглядом” — здесь наиболее показательны были описания жизни и быта крымских татар, татарских городков и местечек) с сентиментальным восхищением пышной “южной” природой Причерноморья, особенно Крыма (генетически восходящим к взглядам Руссо и руссоизму), “прослоенную” также античными аллюзиями (характерный пример — “Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году” Павла Сумарокова (? — 1846), племянника поэта и драматурга А.П. Сумарокова). Спустя треть века подобный южный романтизированный экзотизм продолжает сохраняться — например, в классической повести Михаила Лермонтова “Тамань”. См. в связи с этим: (Шёнле, 2004).

⁴ Константин Леонтьев служил в Крыму батальонным лекарем в 1854–1857 гг., затем еще раз возвращался туда в 1861 г. Действие его повести “Исповедь мужа” (1867) практически полностью происходит на южном побережье Крыма. Хотя саму повесть можно отнести к реалистическому направлению, эмоциональные описания крымской природы от лица главного героя можно уверенно охарактеризовать как постромантические, явно наследующие южно-ориенталистской традиции предыдущей эпохи, например: “Что за день сегодня! Я ездил утром верхом. Море бледно-фиолетовое и как зеркало. Тишина. На шоссе холодно, на Яйле снег, а внизу в садах как майский день в России. Я встретил в своей роще татарку, которая собирала хворост. Она из бедной семьи, но здесь и бедность не страшна. Что за мир, что за живое забвение! Какие слова изобразят то, что я чувствовал? Только прекрасные стихи могли бы сравняться и с природой этой, и с тихой жизнью здешних людей, и с тем ощущением восторженного покоя, которым я упивался сегодня, когда лошадь моя то осторожно опускалась с камня на камень по высохшему руслу ручья, то бежала с горы на горку по гладкой дороге. Какое счастливое сочетание диких картин с изящными следами просвещения! Здесь надо мной сосна поднялась из голого камня и на такой отвесной громаде, что смотреть на нее от подошвы трудно, а у подножья этого гигантского камня шоссе; а прямо с шоссе один шаг в поблекший на зиму цветник и на чистый двор готической дачи. Иные деревья в саду обронили листья, а другие — лавр, кипарис и лавровишневый куст зелены как летом. К ограде, по которой сам собою ползет плющ, привязаны две прекрасные оседланные лошади. Высокая девушка в легком платье гуляет с книгой между миртами. Еще шаг — и дача волшебным образом скрылась за куполом черной сланцевой скалы, округленной, как хребет скорченного зверя. Страшные глыбы серых камней в вековой неподвижности как бы катятся с гор в море. Татарка на плоской крыше стелет ковер; из трубы дымок; красный перец висит у дверей... Аулы тонут в зелени... Нет, один Пушкин достоин был этой жизни...”.

изведения, прежде всего, Бунина⁵ и Куприна⁶, оказываются уже “черноморскими” в силу как очевидной сюжетной локализации, так и благодаря насыщенным ландшафтными описаниям, дающим возможность говорить как о “черноморской ауре” этих текстов, так и о возникновении, своего рода, “черноморской онтологии” (или онтологий), выявляющей неотъемлемые и оригинальные свойства и качества этих ландшафтов и, собственно, российской черноморской геокультуры⁷. Уже следующие два-три поколения российских писателей (как поэтов, так и прозаиков) разрабатывают это первоначальное, базисное образно-символическое поле и создают тем самым хорошо структурированный черноморский текст, чьи основные характеристики определяются литературными особенностями эпохи Модерна — как собственно литературного, так и, шире, — исторического.

Естественно, что к концу XIX — началу XX в., когда Крым уже стал одним из наиболее популярных южных курортов России, многие русские писатели бывали и отдыхали в Крыму. В это время начинает формироваться достаточно автономный и внушительный массив литературных произведений, посвященных Крыму или же написанных на крымском материале. Русская поэзия хронологически несколько опередила прозу, но в целом можно говорить о становлении “крымского субстрата” русской литературы к 1920-м — 1930-м годам. Конечно, важным кризисным этапом развития крымского текста стал исход русской интеллигенции, в том числе многих писателей, из Крыма в эмиграцию в 1920 г. Позднейшие произведения дают очень экспрессивный образ Крыма, Таврии и южных причерноморских степей в эпоху гражданской войны (особенно роман “Вечер у Клэр” Гайто Газданова, пьеса Михаила Булгакова “Бег”,

фрагменты воспоминаний Владимира Набокова “Другие берега”, повести Н. Раевского, а также трагический роман Ивана Шмелёва “Солнце мертвых”). Уже после Второй мировой войны был сформирован базовый патриотически-военный слой крымского текста, основанный, главным образом, на двух героических оборонах Севастополя и начатый еще “Севастопольскими рассказами” Толстого, продолженный эпосом Сергеева-Ценского “Севастопольская страда” и произведениями советской литературы об обороне Севастополя в 1941–1942 гг. (здесь стоит выделить рассказы Леонида Соболева). Интересно, что Антон Чехов, родившийся в Таганроге, на берегах Азовского моря и ставший ялтинским жителем поневоле, так и не стал крымским “гением места”, хотя и написал здесь ряд своих известных произведений (фактически лишь его рассказ “Дама с собачкой” имеет очевидный крымский подтекст) [см. (Кожин, 2020)]. Если же говорить о русских писателях — крымских “гениях места”, то к ним можно отнести, безусловно, Сергеева-Ценского (Алушта), Максимилиана Волошина (Коктебель) и Александра Грина (Феодосия, Старый Крым). Во второй половине 2000-х годов подобную стратегию крымского гения места — теперь уже по отношению к Керчи — попытался реализовать крымский, украинский и русский поэт, эссеист и культуртрегер Игорь Сид, ориентируясь на пример Максимилиана Волошина. Тем не менее эта попытка окончилась неудачно, и Сид окончательно перебрался на постоянное жительство в Москву.

Отдельно стоит сказать о влиянии на крымский и черноморский тексты русской литературы Максима Горького. Его ранние произведения 1890-х годов (“Хождения по Руси”) во многом связаны со скитаниями по югу Российской им-

⁵ Иван Бунин с 1896 по 1918 г. ежегодно приезжал в Одессу, неоднократно выступал здесь с чтением стихов и рассказов. Он также неоднократно приезжал в Крым, где часто общался в Ялте с Антоном Чеховым. С 1918 по 1920 г. жил в Одессе, откуда и эмигрировал. Его книга “Окаянные дни” описывает период гражданской войны в Одессе. Небольшой крымский “пласт” присутствует также в его романе “Жизнь Арсеньева”. В 1900–1906 гг. Буниным написано несколько стихотворений, живо передающих образы черноморского ландшафта. Интересно, что в этих стихотворениях отсутствует историко-культурный, в том числе античный подтекст, и в то же время развиваются архетипические образы моря как такового и океанские мотивы (Чёрное море для него не окраинный водоем Мирового океана, а полноценный выход к ландшафтному “богатству” всего мира) (Билык, 2006). Важно отметить также, что личное общение с ним в его одесский период 1918–1920 гг. очень сильно повлияло на творческое становление Константина Паустовского и Валентина Катаева — создателей следующего хронологического “слоя” черноморского текста.

⁶ Александр Куприн — также, как и его современники Горький и Бунин — был писателем-путешественником, постоянно ездившим по российской провинции. Черноморское побережье сыграло значительную роль в его творческой биографии: он жил в Балаклаве, Одессе, бывал в Севастополе. В контексте нашей темы наиболее значимы серия очерков “Листригоны” (1907–1911) о жизни балаклавских рыбаков, рассказ “Гамбринус” (1907) об одесском еврейском музыканте и повесть “Гранатовый браслет” (1911), также созданная по одесским впечатлениям. Если “Листригоны” и во многом “Гамбринус” отличаются детальным ландшафтным натурализмом, то “Гранатовый браслет”, на наш взгляд, имеет более тонкий геопоэтический, как бы слегка приглушенный пейзажный колорит. Ср.: (Хропов, 2020).

⁷ Если говорить преимущественно о прозе, то кроме упомянутых нами ключевых “крымских” авторов, можно выделить также Сергея Сергеева-Ценского (ряд его произведений жанрово обозначен, следуя гоголевской и тургеневской традиции, как “стихотворение в прозе” и “поэма”), написавшего, пожалуй, наибольшее количество произведений на крымском материале (выделим особо его стихотворение в прозе “Улыбки”, поэму “Неторопливое солнце” и роман “Весна в Крыму”). Однако в целом качество этих текстов не позволяет утверждать, что они сыграли выдающуюся роль в формировании черноморского геокультурного текста. Вместе с тем Сергеев-Ценский сумел создать оригинальные геопоэтические образы крымского ландшафта, формирующие “плоть” черноморского текста; см. также: (Берестовская, 2012).

перии: Бессарабия, Одесса, Крым, Кубань, Кавказ. По всей видимости, внешне к черноморскому тексту могут быть отнесены рассказы “Макар Чудра”, “Старуха Изергиль”, “Мой спутник”, “Челкаш”, “В степи”, “Мальва”, легенда “Хан и его сын”, а также “Песня о Соколе” и “Песня о Буревестнике”, очерк “Херсонес Таврический” (1897). Однако, если говорить о внутренней, “черноморской” интенциональности самих произведений, то следует выделить, прежде всего, рассказы “Мой спутник”, “Челкаш” и “Мальва”: именно в них действие разворачивается на фоне очевидного ландшафтного “антуража”. Тем не менее описываемые писателем ландшафты часто выглядят “картонными”, как бы ненастоящими, слишком романтически “приподнятыми” и типовыми, чересчур антропоморфизированными (яркий пример – рассказ “Мальва”). Горькому наиболее интересны отношения между людьми, а ландшафтные образы и ситуации для него – скорее, “театральные декорации”. Горький, будучи таким же активным “путешественником”, как и его современники Куприн и Бунин, в отличие от них, “не видел” или плохо видел ландшафт. Поэтому, на наш взгляд, его произведения не сыграли ключевой роли в формировании черноморского текста русской литературы.

Если говорить о ключевых фигурах русской литературы Модерна, определивших содержательное ядро черноморского текста, то это, на наш взгляд, Максимилиан Волошин, Осип Мандельштам, Исаак Бабель, Александр Грин, Константин Паустовский, Валентин Катаев. Конечно, оформление этого содержательного ядра было невозможно без текстов-протагонистов

Ивана Бунина и Александра Куприна. И, естественно, говоря о Валентине Катаеве, нужно вспомнить и других писателей “Юго-западной школы” русской литературы (Каракина, 2006) – Юрия Олешу, Эдуарда Багрицкого⁸, Ильфа и Петрова. Несмотря на то, что “черноморские” тексты большинства этих писателей относятся – как фактически, так и в художественном отношении – к конкретным городам и территориям (преимущественно, Крым, Одесса и прилегающие к ним районы, о чем мы уже говорили ранее)⁹, можно уверенно констатировать: ландшафты, “схваченные”, воображенные и описанные ими, являются, по сути, квинтэссенцией “черноморскости” – в них пойманы неуловимые дотоле качества “черноморской субстанции”.

“Кристаллизация” черноморского текста русской литературы начинается с глубокого современного (*со-временного*), современного освоения образа античности – в основном, через образы Крыма и прилегающих к нему территорий. Сами по себе темы античности были давно – еще с эпохи классицизма – хорошо опробованы и освоены русской поэзией в рамках известной рецепции европейских литературных образцов и канонов; антологические стихотворения стали, по сути, элементом “обязательной программы” для большинства русских поэтов XVIII – начала XX в. Естественно, что многие из них были обязаны и черноморским ландшафтам. Однако в поэтическом творчестве Волошина и Мандельштама собственно античность (и, глубже, тема архаической древности – через образы Киммерии у Волошина (Баруткина, 2014; Таймазова, 2015)¹⁰) была пережита, переосмыслена и прожи-

⁸ Как известно, именно Эдуарду Багрицкому (назвавшему свой вышедший в 1928 г. поэтический сборник “Юго-Запад”), обязана своим названием одесская литературная школа. В поэтическом наследии Багрицкого есть несколько стихотворений, посвященных Одессе и Чёрному морю (включая в него и Азовское море); наиболее значительные из них: “Контрабандисты”, “Арбуз”, “Осень”, “Скумбрия”. Даже в его ранней, довольно несовершенной и подражательной поэзии можно найти стихотворения, в которых уже чувствуется оригинальный колорит “одесского” видения черноморского мира.

⁹ Исключение – Паустовский и Мандельштам.

¹⁰ Отдельно стоит сказать о роли Крыма и, безусловно, Максимилиана Волошина в становлении поэтического дара Марины Цветаевой. Коктебельский дом Волошина стал почти родным домом и для Марины Цветаевой, жившей в нем практически каждое лето в 1911–1917 гг. Старший поэт способствовал быстрому развитию поэтического таланта Марины, написавшей в Крыму очень много произведений, ставших ядром ее раннего творчества. Второй важный крымский локус Цветаевой – Феодосия, в которой она также неоднократно жила. В Феодосии работает в настоящее время музей Марины и Анастасии Цветаевых, являющийся частью историко-культурного, мемориального музея-заповедника “Киммерия М.А. Волошина”. Хорошо известен и мемуарный очерк Цветаевой “Живое о живом”, посвященный Волошину, в котором образ поэта, гения места, неотделим от образа самого Коктебеля и Дома поэта. Тем не менее Цветаевой принадлежит лишь одно стихотворение о Крыме – “Над Феодосией угас...” (1914) (поэму “Перекоп”, естественно, относить к таковым вряд ли стоит), и это, по всей видимости, неслучайно. В ее письме Борису Пастернаку от 23 мая 1926 г. мы находим следующий важный для нашей темы фрагмент: “Борис, но одно: Я НЕ ЛЮБЛЮ МОРЯ. Не могу. Столько места, а ходить нельзя. Раз. Оно движется, а я гляжу. Два. Борис, да ведь это та же сцена, т.е. моя вынужденная заведомая неподвижность. Моя косность. Моя – хочу или нет – терпимость. А ночью! Холодное, шарахающееся, невидимое, нелюбящее, исполненное себя – как Рильке! (Себя или божества – равно.) Землю я жажду: ей холодно. Морю не холодно, это и есть оно, все, что в нем ужасающего – оно. Суть его. Огромный холодильник. (Ночь.) Или огромный котел. (День.) И совершенно круглое. Чудовищное блюдо. Плоское, Борис! Огромная плоскостонная люлька, ежеминутно вываливающая ребенка (корабли). Его нельзя погладить (мокрое). На него нельзя молиться (страшное). Так, Иегову например бы ненавидела. Как всякую власть. Море – диктатура, Борис! Гора – божество. Гора разная. Гора умяется до Мура (умиляясь им!). Гора дорастает до гетевского лба и, чтобы не смущать, превышает его. Гора с ручьями, с норами, с играми. Гора – это прежде всего мои ноги, Борис. Моя точная стоимость. Гора – и большое тире, Борис, которое заполни глубоким вздохом” (Марина ..., 2004, с. 213). Можно сказать, что Марина Цветаева геонтологически принадлежит горе и размещает себя в горных онтологических моделях воображения (вспомним также ее “Поэму горы”); море и, возможно, шире, вода – не ее стихия.

та по-новому: античность одновременно стала “по-настоящему” русской и черноморской; она стала неотъемлемым элементом русской черноморской геокультуры.

Стихотворения Осипа Мандельштама из его книги “*Tristia*”, написанные на крымском материале, самым радикальным образом “пересматривают” привычный классический образ античности, сложившийся в русской культуре почти за два столетия. Античность в них, а также и прошлое в целом становятся “современностью”; буквальное олицетворение себя и других с античными персонажами позволяет поэту переосмыслить и саму современность, расширив ее масштабный эсхатологический горизонт за счет мифологического ассоциативного ряда, как бы возвращающего Крым в античную окраинную Тавриду, а Россию — в геокультурное пространство Эллады. Такая мощная геокультурная “антикизирующая” интенциональность характерна не только для “крымских” стихотворений книги, но и для и других стихотворений как развивающих тему Петербурга-Петрополя (позднее подхваченную Константином Вагиновым), так и трансформирующих мотив античного рока-судьбы в контексте судьбы России и личной судьбы поэта в кризисную эпоху. Можно сказать, что крымский ландшафт, переосмысленный поэтом через античную “призму”, стал источником многих, уже классических стихотворений Мандельштама из этой книги (точности ради следует отметить, что эта тема постепенно начинает возникать в конце его предыдущей книги “Камень”). Как ключевые для образа Крыма здесь можно выделить следующие произведения: “Золотистого меда струя из бутылки текла...” (1917), “Еще далеко асфodelей...” (1917), “В хрустальном омуте какая крутизна!...” (1919) (ассоциативный ряд связан с коктейльным ландшафтом, использован итальянско-ренессансный христианский образный фон), “Феодосия” (1919–1920; 1922).

Чуть позднее, в цикле небольших рассказов-эссе “Феодосия” (1923–1924) Мандельштам еще раз вернется к образу Крыма, сосредоточившись на своем опыте жизни в этом городе в период гражданской войны [см.: (Аверинцев, 1994; Гёблер, 2010; Левин, 1995; Нерлер, 2020; Новикова, 2012; Силард, 2008; Oborina, 2015)]. В целом антично-крымские образы Мандельштама сильно повлияли на творчество Валентина Катаева, Константина Паустовского, а позднее на поэтику Иосифа Бродского, а затем и Андрея Полякова.

В то же время можно говорить и о параллельной “кристаллизации” образа Крыма и крымского текста — крымская античность и крымская древность, благодаря произведениям Волошина и Мандельштама, стали геопозитическим “ядром” крымского образа, а сам образ Крыма начал формироваться теперь как один из наиболее существенных и значимых геокультурных образов русской литературы и культуры¹¹. Ясно также, что именно крымский геокультурный “взрыв” способствовал интенсивному геокультурному накоплению, переработке и седиментации первичных образных слоев черноморского текста эпохи зрелого Модерна. И, возможно, наиболее важное: посредством “кристаллизации” крымского и черноморского текстов и современного пересоздания собственного образа “черноморской античности” в течение всего XX в. русская культура, очень “молодая” сравнительно с европейской культурой в целом, постепенно избавлялась от своих “возрастных” историко-культурных комплексов, изобретая свою геокультурную “древность” и становясь, таким образом, вполне “взрослой” и зрелой¹².

В советский период крымский текст, уже обретший ранее прочную историко-культурную геопозитическую основу, осмыслялся и развивался как преимущественно черноморский, причем эта “черноморскость” могла воображаться и как более широкая в художественно-мифологиче-

¹¹ Значимость “киммерийского” и, шире, античного крымского мифа для эпохи Серебряного века русской культуры очень хорошо отметила одна из сестер Герцык — Евгения, написавшая в своих мемуарах (в них есть великолепные описания крымского ландшафта, в частности Судака и его окрестностей самого начала XX в.) следующее: «Да, нужно было через десять лет встретиться с Волошиным, с живописью Богаевского, услышать миф о Киммерии, чтобы потом авторитетно утверждать, что у нашей земли свой закон красоты. Вот это искривленное ветром, почти оголенное дерево — только оно, а не какая-то широколиственная чинара — созвучно горному контуру на легком, на крымском небе. Но в этих наших декларациях зерно правды оплетено было литературностью и изысканностью. Скромнее и строже был творческий труд, который за много лет до того вслепую проделали мы, невежественные в искусстве девочки, наперекор всем канонам отстаивая полюбленное. И вправду, нет постижения красоты там, где она не родится прежде, чем всякие “почему”, где она не опрокидывает запреты, не поборет непонятности. Судак накрепко врезал нам в душу опыт распознавания прекрасного. Как легко было после этого разгадать замурованную прелесть стиха Вячеслава Иванова! Или разом безошибочно обличить художественную фальшь Беклина — такого все же сладостного для глаза» (Герцык, 2007, с. 60–61).

¹² Характерно, что рождение русского литературного, а частично, и живописного футуризма (кубофутуризма) — художественного направления, определившего положение русской культуры начала XX в. в европейском литературном и художественном авангарде, во многом связано с Северным Причерноморьем, Таврией, более точно — имением Чернянка Таврической губернии, где сложился первоначальный человеческий и идеологический “костяк” новой художественной революции. Немалую роль в становлении движения кубофутуристов-“будетлян” сыграл ландшафт Таврии, “пропитанный” античными и скифскими аллюзиями, благодаря чему геродотовская Гилея оказалась одной из главных символических “меток” — по сути, геокультурных образов — русского футуризма (Лившиц, 1989, с. 321–323, 340). Немаловажно также отметить, что крымский текст сам по себе оказался достаточно существенным обстоятельством в становлении русского литературного авангарда [см. (Шевчук, 2015)].

ском, романтическом и геопозитическом плане (южная) морская интенциональность — например, в творчестве Александра Грина, преимущественно в его романах “Алые паруса” и “Бегущая по волнам” (Парамонова, 2008). С другой стороны, широко и панорамно осмысляемые южный и черноморский тексты могли зачастую проявляться наиболее ярко в соответствующих крымских художественных нарративах, эпизодах и фрагментах достаточно масштабных произведений: именно так, пожалуй, можно интерпретировать некоторые произведения Константина Паустовского — особенно повесть “Чёрное море” и, несомненно, более позднюю мемуарную “Повесть о жизни”. Значимость крымского нарратива и крымского текста в русской литературе и культуре в конце XX в. очень хорошо подчеркивает геополитическая утопия Василия Аксёнова “Остров Крым”: фантастическая смена географической типологической номинации этой территории обнажает не только саму высокую геокультурную статусность крымского текста для русской культуры, но и геокультурную втянутость, “впаянность” этого текста в образно-символическую систему черноморских (и морских в целом) смыслов, по-прежнему ключевых и в начавшихся постмодерных трансформациях русской литературы.

Если же говорить о поздней советской поэзии, то несомненна очевидная заслуга Иосифа Бродского: написав в конце 1960-х годов несколько поэтических текстов, посвященных Крыму, он расширил и трансформировал геопозитическое наследие Пушкина и Мандельштама. Так же, как и Мандельштам, Бродский остро чувствует крымскую и, шире, черноморскую античность как окраину цивилизованного европейского мира (Новикова, Казарин, 2010) (у него есть также стихотворение, посвященное Одессе). Но есть и два новых, по сравнению с лейтмотивами старшего поэта, обертона. Первый: наращивание “римской” тональности (крымская античность Мандельштама, скорее, древнегреческая) в контексте вечной темы Овидиевой ссылки. Второй — это осознание себя не только на окраине античного мира, но и на провинциальной окраине перестройки, близкой к упадку и к скрытому декадансу, советской империи, уподобляемой, в какой-то мере, Римской империи. Такая, довольно сложная метафоричность и метонимичность, еще невозможная в античных аллюзиях Мандельштама, который не мог, по понятным хронологическим причинам, почувствовать подобную образность, ведет поэтический дискурс Бродского к сближению с великими древнеримскими поэтами эпохи Августа (это мы можем наблюдать не только в известных “Письмах римскому другу”, но и в позднейших эссе). Благодаря “геопозитическому открытию” Бродского, крымский

и черноморский тексты расширяют свое семантическое поле, оказываясь “узлом” метафорического уподобления, более тесно объединяющего средиземноморский геокультурный ареал и геокультурные зоны влияния русской литературы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные выводы исследования заключаются в следующем.

1. Существенной частью литературно-географических штудий является также изучение географических образов, представленных в литературных произведениях. Понятие геокультурного текста позволяет типологизировать литературно-географические образы применительно к тем или иным геокультурам. Локальные геокультуры, обладающие развитой литературной традицией, имеют, как правило, ряд репрезентативных геокультурных текстов, характеризующих ландшафтные и образные особенности развития данной территории.

2. Черноморский текст русской культуры развивался во многом как южный и “экзотический”. Именно морская “экзотика”, соединенная с “атмосферой” античности, окраинной древности европейской культуры, оказалась наиболее сильным эмоциональным стимулом формирования как южных, так и черноморских образов в русской литературе.

3. Появление геокультурных “черноморских” текстов можно отнести уже к литературной эпохе модернизма, когда некоторые произведения, прежде всего, Бунина и Куприна, оказываются “черноморскими” в силу как очевидной сюжетной локализации, так и благодаря насыщенным ландшафтными описаниям, дающим возможность говорить о “черноморской ауре” этих текстов и о возникновении, своего рода, “черноморских онтологий”. Ключевые фигуры русской литературы Модерна, определившие содержательное ядро черноморского текста и его специфические поэтики — это Максимилиан Волошин, Осип Мандельштам, Исаак Бабель, Александр Грин, Константин Паустовский, Валентин Катаев.

4. “Кристаллизация” черноморского текста русской литературы начинается с современного освоения образа античности — в основном, через образы Крыма и прилегающих к нему территорий (образ Таврии). В поэтическом творчестве Волошина и Мандельштама собственно античность стала неотъемлемым элементом русской черноморской геокультуры.

5. Посредством “кристаллизации” крымского и черноморского текстов и современного пересоздания собственного образа “черноморской античности” в течение всего XX в. русская культура “изобретала” свою геокультурную древность, становясь вполне “взрослой” и зрелой.

Благодаря геопоэтическому открытию Бродского (“римский” и “имперский” локусы) крымский и черноморский тексты расширяют свое семантическое поле, оказываясь “узлом” метафорического уподобления, более тесно объединяющего средиземноморский геокультурный ареал и геокультурные зоны влияния русской литературы.

Дальнейшее изучение проблематики черноморских геокультурных текстов русской литературы в рамках литературно-географических штудий связано, прежде всего, с изучением становления одесского текста как второго “ядра” черноморского текста русской литературы и выявлением значимости произведений Валентина Катаева для “расцвета” одесско-черноморского текста. Также в центре внимания должна быть роль произведений Константина Паустовского в формировании черноморского текста русской культуры в советский период его развития. Немаловажным аспектом этого периода оказывается также становление “Юго-западной школы” и ее роль в некоторой гипертрофии одесского текста. В качестве существенной особенности динамики черноморского текста должно быть рассмотрено “подчиненное” (в геокультурном смысле) значение кавказско-черноморских текстов в русской литературе. Наконец, крайне важным моментом исследования в целом становится проблема постсоветского периода развития черноморского текста русской литературы, связанная и с наследованием сложившейся традиции, и с попытками содержательных инноваций на семантическом и геопоэтическом уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверинцев С.С.* “Золотистого меда струя из бутылки текла...” // Столетие Мандельштама: Материалы симпозиума / N.J. Tenaflly (Ed.). Hermitage Publ., 1994. С. 18–20.
- Баруткина М.О.* Гений места: Максимилиан Волошин и Киммерия // Изв. Урал. фед. ун-та. Серия 2. Гуманитарные науки. 2014. Т. 16. № 3 (130). С. 114–121.
- Берестовская Д.С.* Крымский миф в символическом мире раннего С.Н. Сергеева-Ценского // Культура народов Причерноморья. Симферополь: Таврический национальный ун-т им. В.И. Вернадского, 2012. С. 7–10.
- Билык М.П.* Образ Черного моря в “крымских” произведениях И.А. Бунина // Культура народов Причерноморья. 2006. № 80. С. 61–67.
- Веденин Ю.А.* Очерки по географии искусства. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия, 1997. 224 с.
- Вопросы географии. Сб. 151. Российские литераторы, окружающая природа и Географическое общество / отв. ред. В.М. Котляков, С.Н. Волосевич. М.: Медиа-ПРЕСС, 2020. 560 с.
- Гёблер Ф.* Путешествия Осипа Мандельштама в Крым: поэтическая медиализация // Беглые взгляды: новое прочтение русских травелогов первой трети XX века / сост., отв. ред. В.-С. Киссель, Г.А. Тиме. М.: НЛО, 2010. С. 58–62.
- Геопанорама русской культуры: провинция и ее локальные тексты / под ред. Л. Зайонц. М.: Языки славянской культуры, 2004. 669 с.
- Герцык Е.К.* Лики и образы. М.: Молодая гвардия, 2007. 860 с.
- Живов В.М.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII веков. Из истории русской культуры: Т. IV (XVIII – начало XIX века) / ред. В.М. Живов, Б.А. Успенский. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 449–536.
- Замятин Д.Н.* Империя пространства. Географические образы в романе А. Платонова “Чевенгур” // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 82–89.
- Замятин Д.Н.* Гений и место: ускользающая совместность // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 154–165.
- Замятин Д.Н.* Геокультурное пространство Арктики: визуализация ландшафтов и онтологические модели воображения // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2021. Т. 27. № 1. С. 48–94. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2021-1-48-94>
- Замятин Д.Н.* Сопространственность, геокультуры и (не)локальные тексты: к транссемиотике провинциальных текстов // Enthymema. 2021. № 28. С. 77–91.
- Замятин Д.Н.* Географические образы путешествий в русской литературе // География в школе. 2001. № 8. С. 26–29.
- Замятин Д.Н.* Геокультура: образ и его интерпретации // Социологический журн. 2002. № 2. С. 5–12.
- Замятин Д.Н.* Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 487 с.
- Замятин Д.Н.* Стратегии интерпретации историко-географических образов России // Мир России. Социология. Этнология. 2002. Т. 11. № 2. С. 105–138.
- Замятин Д.Н.* Черноморский текст русской литературы: геокультуры, сопространственность и географическое воображение // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 47–57.
- Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: НЛО, 2001. 414 с.
- История Новороссии. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 864 с.
- Калуцков В.Н.* Концептуальные основы литературной географии // Урал. историч. вестн. 2016. № 2. С. 118–125.
- Каракина Е.* По следам “Юго-Запада”. Новосибирск: Свиный и сыновья, 2006. 234 с.

- Кожин В.В.* Крымский и южнорусский аспект в творчестве Н.В. Гоголя и А.П. Чехова // Гуманитарная парадигма. 2020. № 2 (13). С. 26–34.
- Коровин В.Л.* Семен Сергеевич Бобров: Жизнь и творчество. М.: Academia, 2004. 319 с.
- Лавренова О.А.* Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX в. (геокультурный аспект). М.: Российский научно-исследовательский ин-т культурного и природного наследия, 1998. 95 с.
- Ланпо Г.М.* Романтическая география городов (города в жизни и творчестве Константина Паустовского) // Региональные исследования. 2007. № 2. С. 3–12.
- Левин Ю.И.* Заметки о крымско-эллинических стихах О. Мандельштама // Мандельштам и античность / ред. О.А. Лекманов. М.: Радикс, 1995. С. 77–104.
- Леонтьева А.Ю.* Символика пространства в стихотворении О.Э. Мандельштама “Феодосия” // Филологический аспект. 2016. № 6. С. 9–16.
- Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Л.: Советский писатель, 1989. 718 с.
- Литературная география России: атлас-справочник. М.: МГУ, 2022. 295 с.
- Лыткина О.И.* Типология топосных сверхтекстов в русской языковой картине мира // Вестн. ННГУ. 2010. № 4. С. 607–610.
- Люсый А.П.* География текстуальной революции: междисциплинарные исследования локальных текстов культуры // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2014. № 1. С. 214–236.
- Люсый А.П.* Крымский текст русской литературы: история и современность // Вестн. Моск. гос. лингвистич. ун-та. Гуманитарные науки. 2016. № 11 (750). С. 161–171.
- Максаковский В.П.* Литературная география: географические образы в русской художественной литературе: кн. для учителя. М.: Просвещение, 2006. 405 с.
- Марина Цветаева – Борис Пастернак. Души начинают видеть. Письма 1922–1936 годов. М.: Вагриус, 2004. 717 с.
- Морозова М.М.* Зарубежная литературная география: основные направления исследований // Вестн. Моск. ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 150–156.
- Морозова М.М.* Литературная география в XXI веке: новые подходы и возможности // Культура и цивилизация. 2021. Т. 11. № 3–1. С. 163–171.
- Нерлер П.М.* Лирический поэт и Гражданская война: Осип Мандельштам на Украине и в Крыму в 1919–1920 гг. // Текст и традиция. 2020. Т. 8. С. 281–324.
- Никанорова Е.В.* Географический и туристский образы территории // География и туризм. 2008. С. 27–38.
- Новикова М.А.* Мандельштам. Мир. Крым (об одном крымском стихотворении О. Мандельштама) // Вопросы русской литературы. 2012. № 23 (80). С. 229–240.
- Новикова М.А., Казарин В.П.* Фауст и Крым (об одном крымском стихотворении И. Бродского) // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2010. № 2. С. 214–225.
- Парамонова Т.А.* Система индивидуально-авторских локусов как механизм создания сверхтекстового единства прозы А.С. Грина (на примере функционирования локусов “Лисс” и “Зурбаган”) // Изв. Самарского науч. центра РАН. 2008. Т. 10. № 6–1. С. 279–287.
- Силард Л.* Таврида Мандельштама // Крымский текст в русской культуре: матер. Междунаро. науч. конф. (СПб., 4–6 сентября 2006 г.). СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2008. С. 168–189.
- Таймазова Л.Л.* Киммерия в поэтическом восприятии М. Волошина // Ученые записки Крым. фед. ун-та имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2015. Т. 1. № 4. С. 80–87.
- Травкин С.В.* Магическая реальность фэнтезийного мира: к вопросу о жанрообразующих признаках романа фэнтези // Вестн. Моск. гос. лингвистич. ун-та. Гуманитарные науки. 2017. № 6 (777). С. 298–307.
- Хропов А.Г.* Творчество А.И. Куприна как объект исследований литературной географии // Вопросы географии. 2020. № 151. С. 111–159.
- Шевчук В.Г.* Художественное пространство авангарда: крымский текст // Ученые записки Крымского фед. ун-та имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. Т. 1. № 3. С. 172–182.
- Шёнле А.* Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840. СПб.: Академический проект, 2004. 271 с.
- Cooper D., Gregory I.N.* Mapping the English Lake District: a literary GIS // Transactions of the Institute of British Geographers. 2011. Vol. 36. P. 89–108.
- Hones S.* Literary Geographies: Narrative Space in Let the Great World Spin. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2014. 215 p.
- Lavrenova O.* Spaces and Meanings: Semantics of the Cultural Landscape. Numanities – Arts and Humanities in Progress. Cham: Springer, 2019. Vol. 8. https://doi.org/10.1007/978-3-030-15168-3_6
- Lavrenova O.* “Holy Islands” in the Cultural Landscape of Russia // Lexia. Rivista di semiotica. 2020. Vol. 35–36. P. 353–370. <https://doi.org/10.4399/978882553853319>
- Moretti F.* Atlas of the European Novel 1800–1900. London: Verso, 1998. 206 p.
- MacLeod N., Hayes D., Slater A.* Reading the Landscape: The Development of a Typology of Literary Trails that Incorporate an Experiential Design Perspective //

- J. of Hospitality Marketing & Management. 2009. Vol. 18. № 2–3. P. 154–172.
<https://doi.org/10.1080/19368620802590183>
- Noble A.G., Dhussa R. Image and Substance: A Review of Literary Geography // J. of Cultural Geography. 1990. Vol. 10 (2). P. 49–65.
- Oborina M. Набросок об античности как контексте прочтения (на примере Феодосии Мандельштама) // Modernités russes. 2015. Т. 15. № 1. С. 203–212.
- Pocock D.C.D. Geography and literature // Progress in Human Geography. 1988. Vol. 12 (1). P. 87–102.
- Zamyatin D. Daemon loci: The formation of river images in Russian mental worlds // Meanings and Values of Water in Russian Culture / J. Costlow, A. Rosenholm (Eds.). London: Routledge, 2016. P. 65–78.

Literary Geography and the Problem of the Formation of Geo-Cultural Texts (Using the Example of the Black Sea Texts of Russian Literature)

D. N. Zamyatin^{a, b, *}

^aHSE University, Moscow, Russia

^bArctic State Institute of Culture and Arts, Yakutsk, Russia

*e-mail: dzamyatin@hse.ru

The article is devoted to the problem of the formation of geo-cultural texts within the framework of literary geography. An important part of literary and geographical studies is the study of geographical images presented in literary works. The concept of a geo-cultural text makes it possible to typologize literary and geographical images in relation to different geo-cultures. Local geo-cultures with a developed literary tradition usually have a number of representative geo-cultural texts that characterize the landscape and figurative features of the development of a given territory. The evolution of the Black Sea text is considered using the concepts of geo-culture and geo-cultural text. Images of the South, exoticism, and antiquity are explored as key images determining the development of the Black Sea text. Special attention is paid to the formation of interrelations between the images of the Crimea and antiquity. The marine “exoticism,” combined with the “atmosphere” of antiquity, the marginal antiquity of European culture, turned out to be the strongest emotional stimulus for the formation of both southern and Black Sea images in Russian literature. In the geo-cultural context, the “crystallization” of the Black Sea text of Russian literature takes place by the end of the 19th–beginning of the 20th century (I. Bunin, A. Kuprin). This is due to the rich landscape descriptions, which make it possible to talk about the “Black Sea aura” of these texts and the emergence of a kind of “Black Sea ontologies.” Further, the substantial core of the geo-cultural Black Sea text in the 20th century is determined by the works of M. Voloshin, O. Mandelstam, I. Babel, A. Green, K. Paustovsky, V. Kataev. Through the “crystallization” of the Crimean and Black Sea texts and the modern re-creation of its own image of “Black Sea antiquity” throughout the 20th century, Russian culture created its geo-cultural “antiquity” within the framework of the European geo-cultural space. Thanks to the work of I. Brodsky (“Roman” and “imperial” loci), the Crimean and Black Sea texts expand their semantic field, turning out to be a “node” of metaphorical assimilation, uniting the Mediterranean geo-cultural area and geo-cultural zones of influence of Russian literature.

Keywords: literary geography, geographical image, geo-culture, geo-cultural text, Black Sea text, south, exoticism, antiquity, Crimea, Odessa

REFERENCES

- Averintsev S.S. A stream of golden honey flowed from a bottle... In *Stoletie Mandel'shtama: Materialy simpoziuma* [Centenary of Mandelstam: Proc. of the Symposium]. Tenafl N.J., Ed. Hermitage Publishers, 1994, pp. 18–20. (In Russ.).
- Barutkina M.O. The genius of the place: Maximilian Voloshin and Cimmeria. *Izv. Ural. Fed. Univ., Ser. 2: Gum. Nauki*, 2014, vol. 16, no. 3, pp. 114–121. (In Russ.).
- Berestovskaya D.S. The Crimean myth in the symbolic world of the early S.N. Sergeev-Tsensky. In *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the Peoples of the Black Sea Region]. Simferopol: Tavrich. Nats. Univ. im. V.I. Vernadskogo, 2012, pp. 7–10. (In Russ.).
- Bilyk M.P. The image of the Black Sea in the “Crimean” works of I.A. Bunin. *Kul't. Narod. Prichernomor'ya*, 2006, vol. 80, pp. 61–67. (In Russ.).
- Cooper D., Gregory I.N. Mapping the English Lake District: a literary GIS. *Trans. Inst. Br. Geogr.*, 2011, vol. 36, pp. 89–108.
- Gebler F. Osip Mandelstam's Travels to Crimea: Poetic Mediation. In *Beglye vzglyady: novoe prochtenie russkikh travelogov pervoi treti XX veka* [Cursory Glances: A New Reading of Russian Travelogues of the First Third of the 20th Century]. Kissel V.-S., Time G.A., Eds. Moscow: NLO Publ., 2010, pp. 58–62. (In Russ.).
- Geopanorama russkoi kul'tury: provintsiya i ee lokal'nye teksty* [Geopanorama of Russian Culture: The Province

- and Its Local Texts]. Zaionts L., Ed. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 669 p.
- Gerzyk E.K. *Liki i obrazy* [Faces and Images]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2007. 860 p.
- Hones S. *Literary Geographies: Narrative Space in Let the Great World Spin*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2014. 215 p.
- Istoriya Novorossii* [The History of Novorossiya]. Moscow, St. Petersburg: Tsentr humanitarnykh initsiativ, 2017. 864 p.
- Kalutskov V.N. Conceptual foundations of literary geography. *Ural. Istorich. Vestn.*, 2016, no. 2, pp. 118–125. (In Russ.).
- Karakina E. *Po sledam "Yugo-Zapada"* [In the Footsteps of the "Southwest"]. Novosibirsk: Svin'in i synov'ya Publ., 2006. 234 p.
- Khropov A.G. Creativity of A.I. Kuprin as an object of research in literary geography. In *Voprosy geografii. Sb. 151* [Problems of Geography. Vol. 151], 2020, pp. 111–159. (In Russ.).
- Korovin V.L. *Semen Sergeevich Bobrov: Zhizn' i tvorchestvo* [Semyon Sergeevich Bobrov: Life and Creativity]. Moscow: Academia Publ., 2004. 319 p.
- Kozhin V.V. The Crimean and South Russian aspect in the works of N.V. Gogol and A.P. Chekhov. *Gum. Paradigma*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 26–34. (In Russ.).
- Lappo G.M. Romantic geography of cities (cities in the life and work of Konstantin Paustovsky). *Reg. Issled.*, 2007, no. 2, pp. 3–12. (In Russ.).
- Lavrenova O.A. *Geograficheskoe prostranstvo v russkoi poezii XVIII – nachala XX v. (geokul'turnyi aspekt)* [Geographical Space in Russian Poetry of the 18th–early 20th Century (Geocultural Aspect)]. Moscow: Ros. NII Kul't. Prirod. Naslediya, 1998. 95 p.
- Lavrenova O. *Spaces and Meanings: Semantics of the Cultural Landscape*. Numanities – Arts and Humanities in Progress, vol 8. Cham: Springer, 2019. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-15168-3>
- Lavrenova O. "Holy islands" in the cultural landscape of Russia. *Lexia. Rivista di semiotica*, 2020, vol. 35–36, pp. 353–370. <https://doi.org/10.4399/978882553853319>
- Leontieva A.Yu. The symbolism of space in O.E. Mandelstam's poem "Feodosia". *Filol. Aspekt*, 2016, no. 6, pp. 9–16. (In Russ.).
- Levin Yu.I. Notes on the Crimean-Hellenic poems of O. Mandelstam. In *Mandel'shtam i antichnost'* [Mandelstam and Antiquity]. Lekmanov O.A., Ed. Moscow: Radiks Publ., 1995. pp. 77–104. (In Russ.).
- Literaturnaya geografiya Rossii: atlas-spravochnik* [Literary Geography of Russia: Atlas-Handbook]. Moscow: Mosk. Gos. Univ. Publ., 2022. 295 p.
- Livshits B. *Polutoraglaznyi strelets: Stikhotvoreniya, perevody, vospominaniya* [The Half-Eyed Sagittarius: Poems, Translations, Memoirs]. Leningrad: Sovetskii pisatel' Publ., 1989. 718 p.
- Lytkina O.I. Typology of dangerous supertexts in the Russian linguistic picture of the world. *Vestn. Nizhegor. Gos. Univ.*, 2010, no. 4, pp. 607–610. (In Russ.).
- Lyusyi A.P. Geography of the textual revolution: interdisciplinary studies of local cultural texts. *Chelovek: Obraz. Sushch. Gum. Aspekty*, 2014, no. 1, pp. 214–236. (In Russ.).
- Lyusyi A.P. The Crimean text of Russian literature: history and modernity. *Vestn. Mosk. Gos. Lingv. Univ.: Gum. Nauki*, 2016, no. 11, pp. 161–171. (In Russ.).
- MacLeod N., Hayes D., Slater A. Reading the landscape: The development of a typology of literary trails that incorporate an experiential design perspective. *J. Hosp. Mark. Manag.*, 2009, vol. 18, no. 2–3, pp. 154–172. <https://doi.org/10.1080/19368620802590183>
- Maksakovskiy V.P. *Literaturnaya geografiya: geograficheskie obrazy v russkoi khudozhestvennoi literature: kn. dlya uchitelya* [Literary Geography: Geographical Images in Russian Fiction: Book for Teachers]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 2006. 405 p.
- Marina Tsvetaeva – Boris Pasternak. *Dushi nachinayut videt'. Pis'ma 1922–1936 godov* [Marina Tsvetaeva – Boris Pasternak. Souls Begin to See. Letters of 1922–1936]. Moscow: Vagrius Publ., 2004. 717 p.
- Moretti F. *Atlas of the European Novel 1800–1900*. London: Verso, 1998. 206 p.
- Morozova M.M. Literary geography in the 21st century: New approaches and opportunities. *Kul't. Tsivilizatsiya*, 2021, vol. 11, no. 3–1, pp. 163–171. (In Russ.). <https://doi.org/10.34670/AR.2021.87.50.022>
- Morozova M.M. Foreign literary geography: the main directions of research. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 19: Ling. Mezhekul't. Kommun.*, 2020, no. 2, pp. 150–156. (In Russ.).
- Nerler P.M. Lyrical poet and the Civil War: Osip Mandelstam in Ukraine and Crimea in 1919–1920. *Tekst Traditsiya*, 2020, no. 8, pp. 281–324. (In Russ.).
- Nikanorova E.V. Geographical and tourist images of the territory. *Geogr. Turizm*, 2008, pp. 27–38. (In Russ.).
- Noble A.G., Dhussa R. Image and substance: A review of literary geography. *J. Cult. Geogr.*, 1990, vol. 10, no. 2, pp. 49–65.
- Novikova M.A. Mandelstam. Mir. Crimea. (about a Crimean poem by O. Mandelstam). *Vopr. Russ. Literat.*, 2012, no. 23, pp. 229–240. (In Russ.).
- Novikova M.A., Kazarin V.P. Faust and the Crimea (about one Crimean poem by I. Brodsky). *Mir. Literat. Perekrest. Kul'tur Civilizatsii*, 2010, no. 2, pp. 214–225. (In Russ.).
- Oborina M. A sketch on antiquity as a context of reading (on the example of the city of Feodosia by Mandelstam). *Modernités russes*, 2015, vol. 15, no. 1, pp. 203–212. (In Russ.).
- Paramonova T.A. The system of individual author loci as a mechanism for creating a supertext unity of A.S. Green's prose (on the example of the functioning of the loci "Liss" and "Zurbagan"). *Izv. Samar. Nauch. Tsentra RAN*, 2008, vol. 10, no. 6–1, pp. 279–287. (In Russ.).
- Pocock D.C.D. Geography and literature. *Prog. Hum. Geogr.*, 1988, vol. 12, no. 1, pp. 87–102.
- Shenle A. *Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoi literatury putesthestvii. 1790–1840* [Authenticity and Fiction in the Author's Self-awareness of Rus-

- sian Travel Literature. 1790–1840]. St. Petersburg: Akadem. Proekt Publ., 2004. 271 p.
- Shevchuk V.G. The artistic space of the avant-garde: the Crimean text. *Uch. Zap. Krym. Fed. Univ. Vernadskogo: Filosof. Politol. Kul'turolog.*, 2015, vol. 1, no. 3, pp. 172–182. (In Russ.).
- Silard L. Tavrida by Mandelstam. In *Krymskii tekst v russkoi kul'ture: Materialy Mezhd. Nauch. Konf.* [Crimean Text in Russian Culture: Proceedings of the Int. Sci. Conf. (S.-Peterb., 2006, Sept. 4–6). St. Petersburg: Izd-vo Pushkinskogo Doma, 2008, pp. 168–189. (In Russ.).
- Taimazova L.L. Cimmeria in the poetic perception of M. Voloshin. *Uch. Zap. Krym. Fed. Univ. Vernadskogo: Filolog. Nauki*, 2015, vol. 1, no. 4, pp. 80–87. (In Russ.).
- Travkin S.V. The magical reality of the fantasy world: on the issue of genre-forming features of the fantasy novel. *Vestn. Mosk. Gos. Lingv. Univ.: Gum. Nauki*, 2017, no. 6, pp. 298–307. (In Russ.).
- Vedenin Yu.A. *Ocherki po geografii iskusstva* [Essays on the Geography of Art]. Moscow: Ross. NII Kul't. Prirodn. Naslediya, 1997. 224 p.
- Voprosy geografii. Sb. 151: Rossiiskie literaturny, okruzhayushchaya priroda i Geograficheskoe obshchestvo* [Problems of Geography. Vol. 151: Russian Writers, the Surrounding Nature and Geographical Society]. Kotlyakov V.M., Volosevich S.N., Eds. Moscow: Media PRESS Publ., 2020. 560 p.
- Zamyatin D. Daemon Loci: The Formation of River Images in Russian Mental Worlds. In *Meanings and Values of Water in Russian Culture*. Costlow J., Rosenholm A., Eds. London: Routledge, 2016, pp. 65–78.
- Zamyatin D.N. Co-spaciousness, geocultures and (non) local texts: towards the transemiotics of provincial texts. *Enthymema*, 2021, no. 28, pp. 77–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.54103/2037-2426/16362>
- Zamyatin D.N. Genius and place: elusive compatibility. *Obshchestv. Nauki Sovrem.*, 2013, no. 5, pp. 154–165. (In Russ.).
- Zamyatin D.N. Geocultural space of the Arctic: Landscape visualization and ontological models of imagination. *Praksema. Probl. Vizual. Semiotiki*, 2021, vol. 27, no. 1, pp. 48–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2021-1-48-94>
- Zamyatin D.N. Geoculture: an image and its interpretations. *Sotsiolog. Zh.*, 2002, no. 2, pp. 5–12. (In Russ.).
- Zamyatin D.N. Geographical images of travel in Russian literature. *Geogr. Shkole*, 2001, no. 8, pp. 26–29. (In Russ.).
- Zamyatin D.N. The Empire of space. Geographical images in A. Platonov's novel "Chevengur". *Vopr. Filosof.*, 1999, no. 10, pp. 82–89. (In Russ.).
- Zamyatin D.N. *Kul'tura i prostranstvo: modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and Space: Modeling of Geographical Images]. Moscow: Znak Publ., 2006. 487 p.
- Zamyatin D.N. Strategies for interpreting historical and geographical images of Russia. *Mir Rossii. Sotsiolog. Etnolog.*, 2002, vol. 11, no. 2, pp. 105–138. (In Russ.).
- Zamyatin D.N. The Black Sea text of Russian literature: geocultures, co-spatiality and geographical imagination. *Geogr. Sreda Zhivye Sistemy*, 2023, no. 2, pp. 47–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.18384/2712-7621-2023-2-47-57>
- Zhivov V.M. Metamorphoses of ancient paganism in the history of Russian culture of the 17th–18th centuries. In *Iz istorii russkoi kul'tury: t. IV (XVIII – nachalo XIX veka)* [From the History of Russian Culture: Vol. 4 (18th–Early 19th Century)]. Zhivov V.M., Uspenskij B.A., Eds. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 449–536. (In Russ.).
- Zorin A.L. *Kormya dvuglavogo orla...: Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v poslednei treti XVIII – pervoi treti XIX veka* [Feeding the Double-headed Eagle...: Literature and State Ideology in Russia in the Last Third of the 18th–First Third of the 19th Century]. Moscow: NLO Publ., 2001. 414 p.